

ФИЛОЛОГИЯ

Т.В. Тараканова,
О.М. Редкозубова

Сентиментальный пейзаж как имплицитное средство репрезентации персонажа (на примере романа Флобера «Госпожа Бовари»)

Флобер, знакомя своего персонажа с читателем или рассказывая о нем в тот или иной момент повествования, нередко обращается к описанию природы, таким образом, отводя ей особую роль. «Пейзажный элемент принимает на себя функцию доказывания чувств и мыслей героя средствами, находящимися за пределами словесного выражения» [1, с. 89]. Иначе говоря, природа начинает переключаться с душевным состоянием персонажа: она живет, изменяется, гармонируя или контрастируя с переживаниями героев. Так буря отражает порыв человеческих страстей, тишина подчеркивает умиротворенное безмолвие или гнетущее одиночество. Это так называемый сентиментальный пейзаж, отражающий внутренний мир персонажа.

Приведем несколько отрывков из текста романа Флобера «Госпожа Бовари», где сентиментальный пейзаж тонко отражает, гармонирует, сливается с душевными муками, страстями, счастьем или горечью, обрушившимися на персонаж.

Так, например, душевное состояние Шарля Бовари, который едет лечить сломанную ногу старику Руо, переключается с унылым пейзажем зимней местности:

«La pluie ne tombait plus; le jour commençait à venir, et, sur les branches des pommiers sans feuilles, des oiseaux se tenaient immobiles, hérissant leurs petites plumes au vent froid du matin. La plate campagne s'étalait à perte de vue, et les bouquets d'arbres autour des fermes faisaient, à intervalles éloignés, des taches d'un violet noir sur cette grande surface grise, qui se perdait à l'horizon dans le ton morne du ciel» («Дождь перестал, брезжил рассвет, на голых ветвях яблонь неподвижно сидели птицы, и перышки их ерошил холодный предутренний ветер. Всюду, куда ни помотришь, расстились ровные поля, и на этом огромном сером пространстве, сливавшемся вдаль с пасмурным небом, редкими темно-лиловыми пятнами выделялись лишь кupy деревьев, что росли вокруг ферм»).

Перед нами неясная картина, практически лишенная красок – стилистический прием, основанный на создании впечатления с помощью цвета. Персонажа окружает только «grande surface grise, qui se perdait à l'horizon dans le ton morne du ciel» («огромное серое пространство, сливавшееся с пасмурным небом») – подразумеваются тусклые цвета, серый цвет, «des taches d'un violet noir» («редкие темно-лиловые пятна») – мрачность красок. Кроме того, обратим внимание на лексику, употребленную автором с целью передачи унылости пейзажа, холода: «vent froid du matin» («предутренний ветер»), только что прошедший дождь (pluie), des branches des pommiers sans feuilles» («голые ветки яблонь»). Картина как будто застыла: «des oiseaux se tenaient immobiles» («неподвижные птицы»). Это – природа, навевающая меланхолию, печаль. Вероятно, такими же словами можно описать и душевное состояние Шарля Бовари: совершая поездку к одному из пациентов, он выполнял свои будничные обязанности, совсем ему неинтересные, наводящие на него тоску, а может быть, даже внушавшие отвращение.

Глубина чувственного впечатления, произведенного Эммой на молодого Шарля, подчеркнута описанием летнего дня, увиденного изнутри, из гостиницы: «Ставни были закрыты.

Солнечные лучи пробивались сквозь щели, вытягиваясь на каменных плитах тоненькими полосками, ломались об углы мебели и дрожали на потолке... Под солнцем, проникавшим через каминную трубу, отсвечивала в глубине очага бархатом сажа и слегка голубела остывшая зола. Эмма шила, сидя между печкой и окном, косынки на ней не было, на голых плечах виднелись капельки пота».

Описание солнечного дня как будто обрамляет портрет героини и вместе с тем помогает создать интимную, романтическую атмосферу.

В браке Эмма начинает скучать, томиться («деревенская скука, тупость мещан, убожество жизни»). Она разочаровывается во всем, что ее окружает. В такие моменты Эмму всегда сопровождает печальный пейзаж.

«Elle allait jusqu'à la hetraie de Banneville, pres du pavillon abandonne qui fait l'ange du mur, du cote des champs. Il y avait dans le saut-de-loup, parmi les herbes, de longs roseaux a feuilles coupantes. Elle commencait par regarder tout alentour, pour voir si rien n'avait change depuis la derniere fois qu'elle etait venue. Elle retrouvait aux memes places les digitales et les ravenelles, les bouquets d'orties entouraient les gros cailloux, et les plaques de lichen le long des trois fenetres, dont les volets toujours clos s'egrenaient de pourriture, sur leurs barres de fer rouillees... Tous, en effet, ne ressemblaient pas a celui-la. Il aurait pu etre beau, spirituel, distingue, attirant, tells qu'ils etaient, sans doute, ceux qu'avaient epouses ses anciennes camarades du couvent. Que faisaient-elles maintenant? A la ville, avec le bruit des rues, le bourdonnement des theatres et des clartes du bal, elles avaient les existences ou le coeur se dilate, ou les sens s'epanouissent. Mais elle, sa vie etait froide comme un grenier dont la lucarne est au nord, et l'ennui, araignee silencieuse, filait sa toile dans l'ombre a tous tous les coins de son coeur... Il arrivait parfois des rafales de vent, brise de la mer qui, roulant d'un bond sur tout le plateau du pays de Caux, apportaient, jusqu'au loin dans les champs, une fraicheur salee. Les joncs sufflaient a ras de

terre, et les feuilles des hetres bruissaient en un frisson rapide, tandis que les cimes, se balançant toujours, continuaient leur grand murmure. Emma serrait son chale contre ses epaules et se levait. Dans l'avenue, un jour vert rabattu par le feuillage éclairait la mousse rase qui craquait doucement sous ses pieds. Le soleil se couchait; le ciel était rouge entre les branches, et les troncs pareils des arbres plantés en ligne droite semblaient une colonnade brune se détachant sur un fond d'or; une peur la prenait, elle appelait Djali, s'en retournait vite à Toste par la grande route, s'affaissait dans un fauteuil, et de toute la soirée ne parlait pas» («Она доходила до бонвильской буковой роши; здесь, углом к полю, стоял заброшенный домик, в заросшем травой овраге тянулся кверху остролистый тростник. Эмма прежде всего смотрела, не изменилось ли тут что-нибудь с прошлого раза. Но все оставалось по-старому: и наперстянка, и левкой, и заросли крапивы вокруг больших камней, и пятна лишая на наличниках трех окон, закрытые ставни которых со ржавыми железными болтами гнили... В самом деле, не все же такие, как Шарль! Он мог бы быть красив, умен, изыскан, привлекателен – таким, какими, наверно, были люди, за которых вышли ее подруги по монастырю. Что они теперь делают? Все они в городе, в уличном шуме, в гуле театров, в блеске бальных зал, они живут жизнью, от которой ширится сердце и расцветают чувства. А она? Существование ее холодно, как чердак, выходящий окошком на север, и скука, молчаливый паук, ткет в темноте паутину по всем уголкам ее сердца... Порой поднимался вихрь; ветер с моря облетал все Кошское плато, донося свою соленую свежесть до самых отдаленных полей. Шуршал, пригибаясь к земле, тростник; шелестели, дрожа частою дрожью, листья буков, а верхушки их все качались и качались с гулким и ровным шумом. Эмма накидывала шаль на плечи и поднималась с земли. В аллее похрустывал под ногами гладкий мох, на который ложился дневной свет, зеленый от скрадивавшей его листвы. Солнце садилось; меж ветвей сквозило багровое небо; одинаковые стволы деревьев, посаженные по прямой линии,

вырисовывались на золотом фоне коричневой колоннадой; на Эмму напал страх, она подзывала Джали, быстрым шагом возвращалась по большой дороге в Тост, опускалась в кресло и весь вечер молчала») [2, с. 61].

Здесь следует обратить внимание прежде всего на то, что перед нами вечерняя картина, когда солнце уже садилось (*Le soleil se couchait*). Отсюда отсутствие ярких красок: «небо багровое» (*le ciel etait rouge entre les branches*), свет «зеленый от скрадывавшей его листвы» (*un jour vert rabattu par le feuillage*). Отсутствие насыщенных цветов в пейзаже, безусловно, говорит об их отсутствии и в жизни Эммы.

Кроме того, автор несколько раз подчеркивает состояние заброшенности окружающего пейзажа: «*pavillon abandonne*» (заброшенный домик), «*dans le saut-de-loup, parmi les herbes*» (в заросшем овраге), «*dans l'avenue, la mousse rase... craquait doucement sous ses pieds*» (в аллее похрустывал мох). Этим автор, вероятно, хотел показать одиночество Эммы, ее «заброшенность» всеми.

Тема одиночества подчеркивается образным сравнением жизни Эммы с «холодным чердаком, выходящим окошком на север, и скука, молчаливый паук, тклет в темноте паутину по всем уголкам ее сердца» (*sa vie etait froide comme un grenier dont la lucarne est au nord, et l'ennui, araignee silencieuse, filait sa toile dans l'ombre de tous les coins de son coeur*). Обратим внимание на лексический материал: *froide* (холодный), *silencieuse* (молчаливый), *un grenier* (чердак), *nord* (север), *ennui* (скука), *ombre* (темнота). Все эти слова создают гнетущее впечатление одиночества, безысходности. Кроме того, эффект усиливается благодаря тому, что рядом с описанием безрадостной жизни Эммы автор дает описание жизни ее подруг, то есть. Флобер использует противопоставление или антитезу: с одной стороны, «*le bruit des rues, le bourdonnement des theatres*» (уличный шум, гул театров), с другой – «*le grenier froid*» (холодный чердак), «*une araignee silencieuse*» (молчаливый паук). Еще противопоставле-

ния: «des clartes du bal» (блеск бальных зал) – «dans l'ombre» (в темноте), «sa vie etait froide comme un grenier» (существование ее холодно, как чердак) «elles avaient les existences ou le coeur se dilate, ou les sens s'épanouissent» (они живут жизнью, от которой ширится сердце и расцветают чувства).

«Les troncs pareils» (одинаковые стволы деревьев) говорят, возможно, о том, что дни жизни Эммы похожи один на другой, не происходит ничего нового. «Des arbres plantés en ligne droite» – буки, посаженные по прямой линии, сквозь крону которых едва пробирался свет, напоминают прутья большой клетки. Эмма как будто находится в заточении, чувствует себя одинокой, «заброшенной», и даже присутствие всегда жизнерадостного щенка не прогоняет ее страх.

«Les jours qu'ils faisaient beau, elle descendait dans le jardin. La rosee avait laissé sur les choux des guipures d'argent avec de longs fils clairs qui s'étendaient de l'un à l'autre. On n'entendait pas d'oiseaux, tout semblait dormir, l'espalier couvert de paille et la vigne comme un grand serpent malade sous le chaperon du mur, ou l'on voyait, en s'approchant, se trainer des cloportes à pattes nombreuses» («В хорошую погоду Эмма выходила в сад. На капусте серебряным кружевом сверкал иней, длинными белыми нитями провисал между кочанами. Птиц было не слышать, все словно уснуло, абрикосовые деревья прикрывала солома, виноградник громадной больной змеею извивался вдоль стены, на которой вблизи можно было разглядеть ползающих на своих многочисленных ножках мокриц») [2, с. 80].

Это еще один пример сентиментального пейзажа. Он также создает атмосферу уныния, безысходности: sur les choux des guipures d'argent (на капусте – серебряным кружевом сверкал иней), on n'entendait pas d'oiseaux (птиц не слышать), tout semblait dormir (все словно уснуло). Упоминание мокриц (on voyait, en s'approchant, se trainer des cloportes à pattes nombreuses) вызывает отвращение у читателя (но прежде всего у Эммы, разумеется). Усиливает впечатление очень яркое образное сравнение

виноградника с больной змеей: la vigne comme un grand serpent malade.

У Эммы появляется любовник. Она расцветает, вместе с ней оживает и природа. Первое свидание Эммы с Леоном: «Ils s'en revinrent a Yonville en suivant le bord de l'eau. Dans la saison chaude, la berge plus elargie decouvrait jusqu'a leur base les murs des jardins, qui avaient en escalier de quelques marches descendant a la riviere rapide et froide a l'eoil; de grandes herbes minces s'y courbaient ensemble, selon le courant qui les poussait, et comme des chevelures vertes abandonnee s'etalaien dans sa limpidite. Quelquefois, a la pointe des joncs ou sur la feuille des nenufares, un insecte a patte fines marchait ou se posait. Le soleil traversait d'un rayon les petits globules bleus des ondes qui se succedaient en se crevant; les vieux saules ebranches miraient dans l'eau leur ecorce grise; au dela, tout alentour, la prairie semblait vide» («В Ионвиль они возвращались вдоль реки. В жаркую погоду побережье расширялось, стены, которыми были обнесены сады, обнажались до самого основания, от садов к воде вели небольшие лесенки. Река, быстрая и на вид холодная, текла бесшумно. В ясных ее водах по воле течения склонялись одновременно высокие тонкие травы, напоминая взъерошенные зеленые кудри. На верхушках камышей и листьях кувшинок кое-где сидели или ползали на крошечных лапках насекомые. Солнечный луч пронизывал синие брызги набегавших одна на другую и разбиравшихся волн. В воде отражалась серая кора старых ив с подрезанными ветвями; на том берегу, куда ни кинь взор, стлались пустынные луга») [2, с. 111].

Прежде всего обратим внимание на то, что перед нами дневной пейзаж, природа залита солнечным светом. Заметим сразу обилие красок: des chevelures vertes de grandes herbes (зеленые кудри высоких трав), des joncs (камышы) – зеленый и насыщенный коричневый цвет, des nenufages (кувшинки) – белый, желтый цвета, les petits globules bleus des ondes (синие брызги набегавших волн), la prairie (луга) – насыщенный зеленый цвет.

Хочется также сказать о том, что, читая этот пассаж, мы ощущаем всю широту пространства, кажется, ничто не ограничивает наш взор: l'eau (вода) (la berge plus elargie «прибрежье расширилось», – замечает автор), la prairie (луга), des jardins (сады). Возникает впечатление неограниченной свободы, спокойствия. Вероятно, именно так ощущает себя в этот момент и Эмма Бовари.

Свидание со вторым любовником было куда менее романтично. Для того чтобы показать заурядность, даже банальность происходящего, Флобер также прибегает к описанию природы. Но здесь автор употребляет уже совсем другие эпитеты: gris (серый), brune (бурый), rauque (хриплый), tiede (тусклый), исчезают всякие романтические клише, появляется сниженная будничная лексика: la poudre de tabac (табачная пыль), les troncs des alignes (еловые стволы), les chevaux soufflaient (лошади храпели), le cuir des selles craquait (скрипели седла), le cri rauque et doux des corbeaux (каркали вороны); изменяется и ритм фразы – он ускоряется, предложения становятся короткими, отрывистыми:

«Entre les sapins une lumiere brune circulait dans l'atmosphere tiede. La terre, roussatre amortissait le bruit des pas; et du bout de leur fers, en marchant, les chevaux poussaient devant eux des pommes de pin tombees. Rodolphe et Emma suivirent ainsi la lisiere du bois. Elle se retournait de temps a autre, afin d'eviter son regard, et alors elle ne voyait que les troncs des alignes, dont la succession continue l'etourdissait un peu. Les chevaux soufflaient. Le cuir des selles craquait... Le ciel etait devenu bleu. Les feuilles ne remuaient pas. Il y avait de grands espaces pleins de bruyeres tout en fleurs; et des nappes violettes s'alternaient le fouillis des arbres, qui etaient gris, fauves ou dores, selon la diversite des feuillages. Souvent on entendait, sous les buissons, glisser un petit battement d'ailes, ou bien le cri rauque et doux des corbeaux, qui s'envolaient dans les chenes»... («Среди елей, в теплом воздухе струился тусклый свет. Рыжеватая, как табачная пыль, земля приглушала шаги.

Лошади, ступая, разбрасывали подковами упавшие шишки. Родольф и Эмма ехали по краю леса. Временами она отворачивалась, чтобы не встретиться с ним взглядом, и видела лишь бесконечные ряды еловых стволов, от которых у нее скоро стало рябить в глазах. Храпели лошади. Поскрипывали кожаные седла... Небо разъяснилось. Листья деревьев были неподвижны. Родольф и Эмма проезжали просторные поляны, заросшие цветущим вереском. Эти лиловые ковры сменялись лесными дебрями, то серыми, то бурыми, то золотистыми, в зависимости от цвета листвы. Где-то под кустами слышался шорох крыльев, хрипло и нежно каркали вороны, взлетавшие на дубы...») [2, с. 177–178].

Хочется обратить внимание читателя на то, что здесь также мы встречаем «бесконечные ряды» еловых стволов, которые вновь наталкивают на мысль о клети, в которую Эмма оказалась заточена.

Для сравнения нелишним будет привести описание пейзажа, который Эмма видит во сне. Здесь совсем другие краски, они яркие насыщенные, живые: «des cathedrales de marbre blanc» (бело-мраморные соборы), «des statues pales» (белые статуи), «des femmes habillees en corset rouge» (женщины в красных корсажках), des forets de citronniers (лимонные рощи), «des bouquets de fleurs» (букеты цветы), «des tas de fruits» (груды плодов). Все залито светом: «l'horizon couvert de soleil» (залитый солнцем простор). Картина наполнена звуками: «On entendait sonner des cloches, hennir les mulets, le murmure des guitares et le bruit des fontaines» (Гудят колокола, кричат мулы, звенят гитары, лепечут фонтаны). Нас снова не покидает ощущение простора, необъятного пространства, свободы: «l'horizon, l'horizon, infini, harmonieux, bleuatre et couvert de soleil» (бескрайний голубой, залитый солнцем, согласно звучащий простор). Кроме того, констатируем небезынтересный факт: именно в этом пассаже мы впервые в тексте встречаем глагол «улыбаться», до сих пор никто из персонажей романа не улыбался.

«Du haut d'une montagne, ils s'apercevaient tout coup quelque cite splendide avec des domes, des ponts, des navires, des forets de citronniers et des cathedrales de marbre blanc, dont les clochers aigus portaient des nids de cigognes. On marchait au pas, a cause des grandes dalles, et il y avait par terre des bouquets de fleurs que vous offraient des femmes habillees en corset rouge. On entendait sonner des cloches, hennir les mulets, avec le murmure des guitares et le bruit des fontaines, dont la vapeur s'envolant rafraichissait des tas de fruits, disposes en pyramide au pied des statues pales qui souriaient sous les jets d'eau... Les jours, tous magnifiques, se ressemblaient comme des flots; et cela se balançait a l'horizon, infini, harmonieux, bleuatre et couvert de soleil» («С высоты их взору внезапно открывается чудный город с куполами, мостами, кораблями, лимонными рощами и беломраморными соборами, увенчанными островерхими колокольнями, где аисты выют себе гнезда. Они (Родольф и Эмма) идут шагом по неровной мостовой, и женщины в красных корсажах предлагают им цветы. Гудят колокола, кричат мулы, звенят гитары, лепечут фонтаны, и водяная пыль, разлетаясь от них во все стороны, освежает груды плодов, сложенных пирамидами у пьедесталов белых статуй, улыбающихся сквозь водометы... Все дни были похожи один на другой, как волны, и этот бескрайний голубой, залитый солнцем, согласно звучащий простор мерно колыхался на горизонте») [2, с. 216].

Идеал Эммы обитал где-то «в лазоревом царстве, где с балконов спускались шелковые лестницы, среди душистых цветов, осиянных луною».

Эмма в отчаянии: она ненавидит мещанский быт, но все еще тешит себя иллюзиями о счастливом аристократическом будущем; она безнадежно втянута в долги и близка к полному разорению; любовники ее оставили, попытки добиться помощи от них тщетны. Внутри нее разочарование и пустота. Эмма становится безразличной к жизни – на страницах романа появляются лишь редкие пейзажные зарисовки, усиливающие

атмосферу безысходности: «Le jour commença a se lever, et une grande tache de couleur pourpre s'élargissait dans le ciel pale. La riviere livide frissonnait au vent; il n'y avait personne sur les ponts; les reverberes s'éteignaient» («Светало. По бледному небу все шире растекалось пурпурное пятно. Посиневшая от холода река дрожала на ветру. Никто не шел по мосту. Фонари гасли») [2, с. 314]. «La nuit tombait. Des corneilles volaient» («Ложились сумерки. Кружились вороны») [2, с. 336]. Одиночество, холод являются ключевые понятиями. Об этом свидетельствует лексический материал: отсутствие ярких цветов «бледное небо», «посиневшая река», «мерцавшие в тумане огни города», «фонари гасли», холод «дрожавшая на ветру от холода река», «неожиданно выпал снег», «снежок». Атмосфера одиночества создается отсутствием в этих пейзажных зарисовках живых существ: «никто не шел по мосту», «не слышно пения птиц», «не лаяли дружно собаки».

Таким образом, Флобер, знакомя читателя со своим персонажем, рассказывая о нем, обращается к описанию природы, отводя ей особую роль. Природа начинает перекликаться с душевным состоянием персонажа: приподнятое настроение персонажа подчеркивается описанием ясного летнего дня, напротив, тоска, уныние, одиночество усиливается описанием дождливой погоды или серого зимнего дня. Это – сентиментальный пейзаж, отражающий внутренний мир персонажа.

Список литературы

1. *Сильман Т.И.* Заметки о лирике. Л.: Советский писатель, 1977.
2. *Flaubert G.* Madame Bovary. М.: Ed. en langues etrangeres, 1952.